

**О БЕЛЯВСКОМ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
и ДЕМБСКОМУ И. Ф.**

БЕЛЯВСКИЙ Владимир Андреевич, родился в 1869. В 1930 — арестован в Старом Крыму и заключен в Симферопольскую тюрьму. Приговорен «за антисоветскую агитацию» к 3 годам ИТЛ.

В начале марта 1931 — Иван Фелицианович Дембский в своем сопроводительном письме к Е. П. Пешковой обращал ее внимание на своего знакомого, Владимира Андреевича Белявского, как «интеллигентного человека, на энергии которого держалась добрая часть культурной работы города»¹, и прилагал его письмо.

<7 марта 1931>

«Дорогой Иван Фелицианович

Не трудитесь писать мне в Старый Крым, меня там уже нет. Сегодня 8 мес<яцев> и 9-й мес<яц>, как я сижу в Симф<еропольском> Крымизоляторе, приговоренный на 3 года лишения свободы по ст<атье> 58-10. Арестовало меня ГПУ в Ст<аром> Кр<ыму>, произвело обыск и нашло письмо сына, адресованное моей жене, когда он был мобилизован белыми. В этом письме он просит передать мне поклон, т<ак> к<ак> я дома тогда не жил. Этого было достаточно. Началось с ложного доноса некоего Кухорского, который с 24 года точил на меня зубы за выявление стоимости его имущества, что я сделал по распоряжению Горсовета, где я тогда служил. И на собраниях, и на чистках, и у Прокурора он добиться ничего не мог и поэтому придумал этот вечно пьяный человек послать на меня донос, что я на базарах произношу противосоветские речи. Никогда я на базаре не бываю, а говорить я совершенно не способен публично. Но... этого было довольно.

Началось собирание сведений. Сексот² Софья Ник<олаевна> З. показала, что я говорил ей о преимуществах зарубежных кинокартин, сексот Арфанов, бывший пристав, показал, что я читал статью о занятии КВЖД китайцами и "с восторгом", потом еще пришили каких-то лиц, о которых я не имею представления, и в результате — 3 года. Все 3-х летники и выше должны быть сосланы, и я жду этой ссылки со дня на день. Куда бросит судьба — не знаю. Подавал заявление в Москву, в Особую Инспекцию по делам ОГПУ, с просьбой или досрочно освободить меня, или выслать скорее на основ<ании> 458 ст<атьи> У<головного> Код<екса>, как страдающего грудной жабой, но ответа до сих пор нет.

Обыватель, укрываясь в своей безответственности, сводит свои счета, с кем хочет. Не обидно бы перетерпеть от человека в полном смысле этого слова, но ведь это бывший стражник старого времени, самогонщик, вечно полупьяный. Никаких свидетелей он привести не мог. Я ссылался на то, что при Врангеле я спас от мобилизации 25 человек, выдав им документы, спасавшие их от фронта против большевиков, но на все эти доводы мне говорили одно: "Нас это не касается". Хотя эти люди живы и находятся в Старом Крыму налицо. На хату наложили громадные налоги, дом никто не покупает, жену лишили хлеба, словом — все напасти. Неужели пришла крышка? Во всяком случае, если отправят на север, скажу жене, чтобы бросила все и ехала ко мне, а иначе с голоду подохнет.

Так вот как обстоят дела, дорогой мой. Как дела Ваши, как здоровье супруги и детишек? В Симф<ерополе> страшная дороговизна, ничего на базаре нет, столовки закрываются, и еще нас кормят, как фабричных рабочих. В Ст<аром> Кр<ыму> дело обстоит не лучше, и счастье Ваше, что вы перебрались в Центр РСФСР, где скорее можно пропитаться.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 612. С. 21; Д. 750. С. 212-213.

² Сексот — секретный сотрудник.

Остался я должен Вам 2 р<убля>, и их когда-нибудь пришлю. Зубной врач в Ст<аро>-Кр<ымской> больнице Маткус тоже сексотка и фигурирует в моем деле. Словом, люди исподличались до ужаса. Отец идет на сына, сын на мать, брат на брата, и все затем только, чтобы заслужить расположение власть имущих и замаскироваться самому. А что у него-то, подлеца, на душе? Целую вас, мой дорогой. Ваш В. Белявский»³.

В конце марта 1931 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Елены Ионовны Белявская.

<23 марта 1931>

«В Комитет по оказанию помощи политзаключенным
под председательством т<оварища> Пешковой

Проживающей в Старом Крыму
по Северной ул<ице>, д<ом> 25,
жены заключенного Елены
Ионовны Белявской

Заявление

На № 9905

В январе моим мужем, Владимиром Андреевичем Белявским, заключенным в г<ороде> Симферополе в Крым<ском> изоляторе, было послано заявление в "Особую Инспекцию по надзору за делами ОГПУ" в Москве, копию коего я прилагаю.

Возможно, что заявляющая не послала и установить это человеку, изолированному от внешнего мира, — невозможно. После предполагаемой отсылки мужем этого заявления, я обратилась к Вам с усерднейшей, убедительнейшей просьбой поддержать его ходатайство. Просить о пересмотре дела я не буду, т<ак> к<ак> на все письменные оправдания, находящиеся в деле, следственными властями ГПУ значения не придано, самый тяжелый период следствия прожит, теперь осталось только сидеть и ждать конца срока. Новый пересмотр дела только вызовет новые сердечные волнения и припадки грудной жабы. Я прошу Вас лишь об одном — поддержать его ходатайство о применении к нему 458 ст<атьи> Уг<оловного> Проц<ессуального> Кодекса. Из его писем и из личного свидания я вынесла впечатления крайне тяжелые.

Камеры так забиты заключенными, что ночью совершенно нечем дышать, нет на полу места для ноги, чтобы выйти в коридор и вздохнуть воздухом через оконную решетку. Ночью туловища, ноги, руки — все переплелось, и люди копошатся, как черви. Насекомые заедают. Пища скудная с 300 гр<аммами> хлеба, и я не могу поддержать питанием больного мужа, потому что сама голодаю, да и он находится от меня в 90 верстах. При таких условиях неизлечимая болезнь, грудная жаба, может привести лишь к одному печальному концу.

Я прошу вас поддержать просьбу моего мужа, Это единственный выход из его тяжелого положения. Выйдя на свободу, он может поступить на легкую работу, хотя и будет отбывать наказание в виде высылки за пределы Крыма.

Вот моя искренняя, сердечная просьба к Вам. Я вечно убду благодарна за отзывчивость и человеческое отношение в больному старому человеку.

Е. И. Белявская.

23/III-31 г<ода>»⁴.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 612. С. 22-25. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 612. С. 18. Автограф.